

Действующие лица

Таня, 44 года.

Марина, 44 года.

Олег, 44 года.

Костя, 22 года.

Фотография первая

Площадка Гать. Дачный поселок. Лето. Кажется, дождь собирается.

Большой каменный дом, который на фоне окружающих его одноэтажных деревянных домиков выглядит дворцом. Во дворе накрыт стол, стоит палатка для зимней рыбалки, и никого нет. А нет, есть! Олег пилит, стругает, плетет – строит плетень.

Внутри дома. Да, самое интересное, что внутри дома спрятан такой же старый дачный домик. Хозяин просто поставил сверху новый дом. Пристроил комнаты, второй и третий этажи, но войти в него можно только через старый дом. Проходишь сени,ходишь в горницу, слева остается каморка под лестницей. В новую половину можно попасть из горницы. Открываем дверь и входим в новый мир хайтека и гламура.

В новом мире работает телевизор, Марина сидит в кресле, щелкает семечки. Вдруг раздается удар в окно.

МАРИНА. Оба-на... (Открывает окно.) Олег!

Олег вбивает в землю колышки для плетня.

МАРИНА. Олег! Не слышишь?

ОЛЕГ. А?

МАРИНА. Смотри.

Олег подходит.

ОЛЕГ. Птица, что ли?

МАРИНА. Представляешь, ударилась о дом, я так испугалась. Сдохла?

ОЛЕГ (поднимает птицу). Да нет.

МАРИНА. А че в дом-то врезалась тогда? Больная?

ОЛЕГ. Да как поймешь. (Смотрит на птицу.) Все.

МАРИНА. Сдохла?! Блин!

ОЛЕГ. Похоронить надо.

МАРИНА. Только не у нас! За воротами давай. (Выходит во двор.) Блин, как не вовремя, такое настроение было.

ОЛЕГ. А что, стало птичку жалко?

МАРИНА. Слушай, это она, наверное, со столба упала. Ее электричеством, наверное, убило.

ОЛЕГ. Да не, вряд ли. На, поддержи, я за лопатой схожу.

МАРИНА. С ума сошел, у нее птичий грипп, поди.

ОЛЕГ. Да какой птичий грипп! Поддержи!

Марина прячет руки, Олег берет лопату и уносит птицу к воротам.

МАРИНА. Выкинул бы, да и все. Кладбище домашних животных еще давай тут построим. Гадство, какая же примета нехорошая!

ОЛЕГ. Ты вроде верующая у нас?

МАРИНА. И че?

ОЛЕГ. Приметы – это суеверие. То есть что? Суетная вера.

МАРИНА. А все равно сбываются.

Олег исчезает за высоким железным забором, Марина остается во дворе. На перрон, который хорошо виден Марине, выходит дурачок Саша в красной бейсболке. Слышен гул приближающейся электрички. И сразу за ним приезжает электричка. Саша снимает бейсболку, улыбается и машет людям в вагонах. Через минуту электричка уезжает.

Открывается калитка, входит Олег.

ОЛЕГ. Ты вот про кладбище домашних животных слышала звон, а книгу так и не прочитала.

МАРИНА. Я фильм этот идиотский посмотрела, мне достаточно.

ОЛЕГ. Фильм не идиотский, но книга лучше. Она совсем другая. У Кинга всегда книги глубже, чем фильмы.

Садятся за стол во дворе, Олег растапливает самовар.

ОЛЕГ. Фильм – это такой тупой ужастик.

МАРИНА. Говорю ж, идиотский.

ОЛЕГ. Тупой – не в смысле, что тупой, а в смысле – тупой ужастик. А в книге психология и – главное – мысль. Не надо откапывать мертвецов.

МАРИНА. Это очень глубокая мысль.

ОЛЕГ. Смысл в том, что надо дать человеку спокойно умереть, раз так ему суждено. Ну, например...

МАРИНА. Давай без примеров.

ОЛЕГ. Нет, ну давай из книги. Вот возьмем кота.

МАРИНА. Кстати! К нам тут приходил серый кот, один в один как в кино. Я сразу фильм этот вспомнила. Мне даже показалось, что это он.

ОЛЕГ. Это не удивительно, это площадка Гать, здесь все время что-нибудь происходит. Вот посмотри на эти столбы...

МАРИНА. А я говорила, давай продадим!

ОЛЕГ. Это не обсуждается никогда. Этот дом строил мой отец.

МАРИНА. Этот – не твой.

ОЛЕГ. Если ты не хочешь, ты можешь сюда не ездить.

МАРИНА. Я знаю, а ты будешь возить сюда молодых специалистов... к.

ОЛЕГ. Так вот, возьмем эти бетонные столбы. (На участке стоят четыре бетонных столба от старой деревянной опоры для электричества.) При определенном освещении на фоне тяжелого серого неба они выглядят как...

МАРИНА. Тихо!

ОЛЕГ. ... Стоунхендж.

Марина внимательно смотрит под сарай, а потом визжит.

МАРИНА. Там змея!

ОЛЕГ. Где?

МАРИНА. Под сараем.

ОЛЕГ. Да тебе показалось. (Идет к сараю.) Прочитал в одном журнале недавно: жена у меня – гадюка, да и я уж. (Смеется.) Тебе померещилось, у нас тут никогда не было змей.

МАРИНА. Я ее слышала!

ОЛЕГ. А. И как тебе показалось на слух – это была гремучая змея, кобра или удав?

МАРИНА. Это была гадюка. Обыкновенная черная гатская гадюка! С ромбиками.

Олег смотрит под сарай.

ОЛЕГ. Ну, в общем, она уползла и больше не вернется. А если вернется, я ей так и скажу: «Жена у меня, между прочим, тоже гадюка, да я и сам уж!» Ну и потом. Маринка, ну свои своих не кусают.

МАРИНА. Свои своих? Как же, еще больнее кусают. Так и норовят поглубже под кожу залезть и побольнее укусить. У меня подруга одна была...

ОЛЕГ. У тебя? Подруга?

МАРИНА. Ну так, сослуживица ее назовем. Такая услужливая, такая предупредительная, на каждый праздник мне подарочек, обнимает, целует, в глаза заглядывает. Но только какая-нибудь новость неприятная, первая мне сообщает и с таким, знаешь, торжеством смотрит. Мол, на тебе, на тебе. Так дети маленькие в припадке делают. Или кошки. Прикусит так слегка и смотрит, как ты реагируешь. Нормально реагируешь? А ну-ка посильнее. Тоже терпишь? А ну-ка еще.

ОЛЕГ. Или змеи.

МАРИНА. Или мужья любимые.

ОЛЕГ. Точно любимые?

МАРИНА. Мне сравнивать-то не с чем.

ОЛЕГ. Так у тебя еще есть время для эксперимента. Ты еще довольно молода, сорок четыре для женщины – это ж самый расцвет.

МАРИНА. Это для мужчины, Олега, ты путаешь, у женщин в это время уже и климакс бывает. Особенно если стресс какой-нибудь. А климакс – это, знаешь, Олег Николаевич, тебе не насморк.

ОЛЕГ. Какое счастье, что ты у нас стрессоустойчива. Ничем тебя не перешибешь. Ни топором, ни обухом. Чай готов.

Марина уходит в дом. В это время проезжает электричка, окна дома дребезжат, дурачок Саша машет бейсболкой пассажирам. Марина возвращается с подносом, на котором стаканы в подстаканниках, сахарница и пр.

ОЛЕГ. Ты как проводница в поезде. Кста-а-ати! Сегодня же последний день июля.

МАРИНА. И?

ОЛЕГ. И суббота.

МАРИНА. Ну.

ОЛЕГ. Так завтра ж праздник наш профессиональный.

МАРИНА. День ВДВ?

ОЛЕГ. День ВДВ, Марина, второе августа, а в первое воскресенье августа все потомственные железнодорожники празднуют День железных дорожников. У меня сестра так говорила в детстве: поздравляем вас с днем железных дорожников!

МАРИНА. Ты когда последний раз на железной дороге был?

ОЛЕГ. Марина, жизнь и судьба моя – железная дорога.

МАРИНА. Голова как рельс гудит, поступай в УЭМИИТ.

ОЛЕГ. Между прочим, напоминаю, что мы с тобой благодаря железной дороге познакомились.

МАРИНА. Звучит двусмысленно.

ОЛЕГ. Зато не бессмысленно! Короче, Марина Валерьевна-а-а. (Жестами показывает, что Марина Валерьевна должна сбегать в дом и принести ему выпить и закусить.)

МАРИНА. Ну хорошо, но праздник-то в любом случае завтра.

ОЛЕГ. А кто празднику рад? Тот я.

МАРИНА. Вот и пей свой чай.

ОЛЕГ. Чай не водка, много не выпьешь. (Пьет чай.) Вкусный какой. Ты туда листьев каких-то положила?

МАРИНА. Да, всего там – смородину, малину, мяту.

ОЛЕГ. Мяту? Я ж просил мяту не класть никогда, я ж ее вырвал специально всю.

МАРИНА. А я вот нашла. Мята в чае самая душистая. У нас и мак везде растет, как бы я ни боролась. Пей, чего ты.

ОЛЕГ. Не хочу.

МАРИНА. А кто будет этот пятилитровый самовар осушать?

ОЛЕГ. Вот сама и пей. Или Сашу вон позови, он устал провожать поезда, ему надо отдохнуть. *(Закуривает.)*

МАРИНА. А, ну давай соберем всех сумасшедших Гати за столом: Сашу, Нюшу, Безухова.

ОЛЕГ. Безухов-то с чего? Он не сумасшедший. У него просто уха нет.

МАРИНА. И мама алкоголичка.

ОЛЕГ. И, кстати, это два факта взаимосвязанных.

МАРИНА. Ты не рассказывал.

ОЛЕГ. Так че рассказывать. Лена бухала всю жизнь, а потом внезапно забеременела и родила здорового пацана. Здорового. Но без уха. Свекровь стала деньги на косметическую операцию парню копить – ну, чтобы хоть для красоты пришили ухо. Накопила, Лене отдала, а та в запой ушла.

МАРИНА. И что дальше?

ОЛЕГ. И все. В шапке всю жизнь ходит, а когда жарко – в панамке.

МАРИНА. Какой кошмар.

ОЛЕГ. Это площадка Гать, детка.

Закричала неведомая птица.

МАРИНА. Это что?

ОЛЕГ. Это птица.

МАРИНА. Как ребенок плачет. Первый раз такую тут слышу.

ОЛЕГ. А она первый раз и кричит. Неведомая какая-то птица.

МАРИНА. Я себя как в спектакле чувствую. Будто ты специально сегодня этих птиц и змей напустил.

ОЛЕГ. А ты мяту специально в чай засунула! Это диверсия.

МАРИНА. Олег, это бред. Я специально изучила вопрос.

ОЛЕГ. В интернете.

МАРИНА. В интернете, да! Так вот, там пишут, что мята, наоборот, повышает потенцию, потому что положительно влияет на состояние нервной системы человека. Потому что проблема с потенцией – это проблема нервная. Отсюда вывод: лечим нервы – лечим потенцию.

ОЛЕГ. А, так ты еще и с намеком, оказывается!

Смеются.

МАРИНА. Олег, ты меня любишь?

Смех обрывается.

ОЛЕГ. А?

МАРИНА. Вкусный чай, зря отказался.

Слышен гудок приближающейся электрички. Марина смотрит на часы. Восемнадцать двадцать. Она встает, видит Сашу, снявшего бейсболку и в нетерпении переступающего с ноги на ногу. Электричка приезжает, Саша машет, Марина внимательно смотрит на выходящих из вагона пассажиров. Олег подкрадывается сзади и подносит к ее лицу жабу.

ОЛЕГ. Смотри, какую красоту поймал.

Марина визжит.

МАРИНА. Дядя Петя, ты дурак? Тебя вместе с Сашей, Нюшей и Безуховым за стол сажать чай пить?

ОЛЕГ. Это же царевна лягушка, она исполнит три твоих желания.

МАРИНА. Это жаба! В вашей Гати только жабы водятся!

В калитку стучат.

ОЛЕГ. Мы кого-то ждем?

МАРИНА. Я – нет. Но, может, это молодой специалист?

ОЛЕГ. Вот ни слова в простоте. (*Идет к калитке, открывает, удивленно смотрит.*) Танька...

ТАНЯ. Привет.

Фотография вторая

ОЛЕГ. Маринка-а! Мари-и-ин! Смотри, кто к нам пришел.

Марина оборачивается и вздрагивает. За Олегом идет Таня.

ТАНЯ. Здравствуй.

МАРИНА (*улыбается*). Здравствуй...

ТАНЯ. Сияешь?

МАРИНА. Си... я... Что?

ТАНЯ. Песня. Забыла?

МАРИНА. А, да... Ты как с электрички. В смысле, электричка вот только...

ТАНЯ. Расписание за столько лет не изменилось.

Олег подходит, обнимает обеих.

ОЛЕГ. Девки, да вы же как истуканы, обнимитесь хоть, сколько мы не виделись?

ТАНЯ. Двадцать два года.

ОЛЕГ. Сколько?!

МАРИНА. Ровно. Завтра ровно.

ОЛЕГ. А что завтра за... А, ну да.

Молчат.

ОЛЕГ. Ну вот. Я выхожу, а там возле дяди Кости «тойота» красная стоит. Я удивился, кто это к нему. И тут Танюха выходит.

ТАНЯ. Умер дядя Костя.

МАРИНА. Ну да... А? Дядя твой умер? *(Улыбается.)* Фу, так вот к чему птица-то. Тьфу. Ну, то есть наши соболезнования. Давно?

ТАНЯ. Нет, сегодня девятый день.

МАРИНА. И ты специально прикатила?

ТАНЯ. Я ж любимая племянница.

ОЛЕГ. А мы его давно не видели. Вообще у вас лет десять никого нет. Столько желающих на ваш дом.

МАРИНА. Мы даже хотели купить.

ТАНЯ *(смеется)*. Ну вот у меня и купите, значит. Я единственная наследница.

МАРИНА *(смеется)*. А, так вот ты зачем!

Таня молча долго смотрит на нее, Марина не выдерживает ее взгляда, отводит глаза.

ТАНЯ. Дайте хоть я все посмотрю. Так. Палатка для зимней рыбалки. Все ловишь говорящую щуку?

МАРИНА. Ой, да что он там ловит. Больше разговоров. По-моему, он специально придумал эту рыбалку, чтоб из дома почаще сбегать.

ТАНЯ. А сейчас-то зачем поставил? У тебя под ней собственный пруд?

ОЛЕГ. Готовь сани летом. (Смеется.) Не знаю. Так просто достал. Правда не знаю зачем.

МАРИНА. Делать потому что нечего, дурью мается, щас еще ледоруб достанет.

ТАНЯ. Та-а-ак. Вышку снесли?!

МАРИНА. Прошлым летом еще. Ураган такой был, один изолятор слетел. Представь, если б кто-то из нас здесь был. Он килограмм сто весит.

ТАНЯ. Ох, жалко. Она же здесь с самого начала была. Ни у кого такой не было, только у вас.

ОЛЕГ. Вот, Танюха понимает. Когда отцу участок дали, она еще работала даже. Мама боялась, что мы прямо под проводами дом строим, а отец, наоборот, говорил, что будут свехурожай из-за этого.

ТАНЯ. Слушай, а под ней же мы с тобой яблоню посадили.

МАРИНА. Она гнилая вся внутри была.

ТАНЯ. Как же жалко. Так красиво цвела.

МАРИНА. Изолятор-то прямо на нее грохнулся.

ТАНЯ. Она такая необычная была. Два ствола из одного корня выросли.

ОЛЕГ. И на каждом из них – по яблоку.

МАРИНА. И все? Два яблока за всю историю?

ТАНЯ. Зато теперь у вас свой собственный Стоунхендж. Но старый домик все-таки жалко?

МАРИНА. Да что тебе все жалко.

ОЛЕГ. А ты внутрь зайди.

МАРИНА. Посидеть на улице так-то собирались...

ОЛЕГ. Да успеем.

Таня входит в дом, и теперь замирает она. Марина проходит вперед.

МАРИНА. Проходи. Давайте только без всяких вздохов.

Таня и Олег стоят в сенях.

ТАНЯ. Ты все сохранил.

Олег подводит ее к каморке, показывает на косяк.

ОЛЕГ. А вот это узнаешь?

ТАНЯ. Олег, с ума сошел? (Смеется.)

На смех выходит Марина.

ТАНЯ. Ты знаешь, что это такое?

Марина качает головой.

ТАНЯ. Это зарубки. Топором.

МАРИНА. Это-то я вижу.

ТАНЯ. Дядя Костя как-то уехал в город, меня не с кем было оставить, привели сюда. И я спала в этой комнате и че-то всю ночь бегала в туалет. А Олег зарубки делал.

ОЛЕГ. Девятнадцать раз.

ТАНЯ. Да ладно? (Пересчитывает.)

МАРИНА. Какая романтическая история.

ТАНЯ. А нам было так весело тогда. Семнадцать. (Проходит в горницу.)

МАРИНА. Хочешь дом посмотреть?

ТАНЯ. Да не, давайте тут.

МАРИНА. Олег, стол тогда тащи сюда.

Олег уходит за столом, Таня смотрит в окно. Напротив окна старый железнодорожный мост, сквозь несколько слоев краски отчетливо проступает надпись: «Костя».

ТАНЯ. Маринка, смотри!

Марина задергивает штору. Олег входит со столом. Очень суетится.

ОЛЕГ. Маринка не любит здесь. Мы ей хоромы отдельные построили.

МАРИНА. Сидели бы на улице, все накрыто уж. Ну ладно. (Улыбается Тане.) Так ты надолго сюда?

ТАНЯ. Да нет, завтра уезжаю. Через полгода, правда, снова приеду – там всякие наследственные дела пойдут. Потом продам дом – и все. Больше уж и не увидимся.

ОЛЕГ. А ты не продавай.

МАРИНА (смеется). Никому, кроме нас. Мы с ним разведемся в разные дома, у него будет Дом разврата. У меня – Дом терпения.

ОЛЕГ. Терпимости!

МАРИНА. И мы будем друг к другу в гости ходить.

ТАНЯ. Тебе, Маринка, я смотрю, все мало. (Смеется.) Вот совсем ты не изменилась. Помнишь, когда ты в общежитии жила...

МАРИНА (обрывает). Не помню. Мне когда на стройке балка на голову упала, я все, что до этого было, забыла.

ОЛЕГ. Слушайте, а давайте уже выпьем.

Фотография третья

Там же. Олег выставил на стол целый бар напитков. В графинах и бутылках напитки всех цветов радуги – от зеленого до...

ОЛЕГ. Вот смотри, это не абсент, как какая-нибудь любительница могла подумать, это мятная настойка. Вот этими самыми ручками сделанная. Попробуй. (*Наливает Тане.*)

МАРИНА. А в чай, значит, нельзя.

ОЛЕГ (*наливает Марине*). На вот выпей тоже, мята успокаивает, сама же говорила. (*Тане.*) Ну как?

Таня пьет, кивает: мол, да, нравится.

ОЛЕГ. Тут очень важно не передержать. Я однажды поставил и забыл, так она мало того что прибурела...

ТАНЯ. Это как?

ОЛЕГ. Ну, стала бурая, так еще и горькая. И что бы вы думали? Пришлось пить горькую! (*Подливает всем.*) Давайте за встречу.

Выпили и молчат.

ОЛЕГ. Та-а-ак. Посадил девушку, включи музыку. Я сейчас! (*Уходит.*)

Марина и Таня молчат.

ОЛЕГ (*кричит из дома*). Маринка, где эта, эта-то? А, все.

Марина и Таня молчат.

МАРИНА. Молчим че-то все. Может, еще выпьем этого зелья?

Олег вносит проигрыватель.

ОЛЕГ. Не-не-не, сейчас будем пить малиновку. (Быстро подключает проигрыватель, ставит пластинку.)

ТАНЯ (смеется). Пить или петь?

Олег с удивлением смотрит на Таню, берет графин с настойкой малинового цвета.

ОЛЕГ. А как ты угадала? (Разливает.)

Пластинка скрипит, шипит, и вдруг сквозь скрип слышится песня ВИА «Верасы» «Малиновки заслыша голосок...».

МАРИНА. Ну просто ретровечеринка.

ТАНЯ (смеется). Олег, у вас одна пластинка всю жизнь играла, трудно забыть.

МАРИНА. Странно, мне ты никогда ее не включал.

ОЛЕГ. Ты же современная, продвинутая, у тебя «Инстаграм». Тань, у тебя есть «Инстаграм»?

ТАНЯ. Нет. У меня только сто грамм. (Пьет.) Вкусная штука.

ОЛЕГ. Это на малине, Маринкина любимая.

МАРИНА. Я думала, ты на меня намекал, когда любительницей абсента назвал. (Смеется.) Я один раз в жизни всего абсент пробовала, и то случайно.

ОЛЕГ. Нет, я не на тебя намекал.

МАРИНА. А ниче, что мы спирты мешаем?

ОЛЕГ. Мариш, спирт тут один и тот же – этиловый. Не беспокойся, будь счастлива.

МАРИНА. Танюха, а че правда не заведешь «Инстаграм». Сейчас бы сфоткались, сразу выложили. Давай селфи сделаем? (Достает телефон.) наших там много, хоть посмотрят на тебя. А то тебя ни в «Одноклассниках» нет, нигде. Никто про тебя ничего не знает.

ТАНЯ. Не, не будем селфи.

МАРИНА. Ну, как хочешь. (Фотографирует себя, незаметно, как бы снимая настойки, фотографирует и Таню. Залипает в телефоне.)

Таня и Олег смотрят друг на друга, молчат, крутится пластинка, проносится скорый поезд, заглушая куплет про первую любовь.

ОЛЕГ. Танька, куда ты пропала тогда? Я очухался через месяц, стал тебя разыскивать – нигде никто не знает.

ТАНЯ. А я все бросила после похорон, а через полгода вообще уехала в Сочи на ПМЖ.

ОЛЕГ. После чьих похорон?

МАРИНА (отрывается от телефона). А кто умер?

ТАНЯ. Костя, Марина.

МАРИНА. А, ты все про дядю Костю рассказываешь. Хороший был, добрый.

В ворота стучат.

МАРИНА. Кто это? (Олегу.) Ты кого-то ждешь?

ОЛЕГ. Да нет. Все мои наконец при мне. Пойду гляну. (Уходит.)

МАРИНА. Я тут занялась здоровьем. Питаюсь по часам, нагрузки, разгрузки, обертывания, шаги считаю. И все без толку. Плохо совсем себя чувствую в последнее время, отекаю.

ТАНЯ. А в больницу не ходила?

МАРИНА. Ходила, одно расстройство. Больше не хочу. Представляешь, что говорят? Что я не доживу до пятидесяти с такими почками. Только Олегу не говори, расстроится.

ТАНЯ. Марин, ты нормальная, нет? Тебе открытым текстом говорят.

МАРИНА. А что я сделаю? У меня две дочки, мне некогда. Ты видела, кстати? (*Достает телефон, листает фотографии, показывает Тане.*) Две красоточки мои.

ТАНЯ. Да, красивые девочки. Эта на Олега похожа, как зовут?

МАРИНА. Севилья.

ТАНЯ. Как?!

МАРИНА. Он пил как сапожник, когда она родилась. Ему фиолетово было, как ее будут звать. А я захотела Севилью. И так назвала. Имею право. Я со своим ушибом мозга вообще могла на инвалидность подавать.

ТАНЯ. Слушайте, а вы нескучно живете.

МАРИНА. Не, ушиб – это после той балки на стройке. Мне рожать запрещали, а я не послушалась. А потом еще и Таю родила. Ласковая, добрая, моя доча.

ТАНЯ. Какие экзотические имена.

МАРИНА. С таким отчеством, конечно, надо было мальчиков рожать. Но они мне пообещали уехать жить за границу, а там отчества не нужны.

Возвращается Олег.

ОЛЕГ. У Санька конкретно кукуха поехала.

ТАНЯ. Да ладно? Жив еще?

ОЛЕГ. Жив, курилка.

МАРИНА. Жив – не то слово. Ходит каждый день к мосту. Придет, сядет и воет. Так жутко слушать. Сейчас-то что ему надо?

ОЛЕГ. Костя, говорит, у вас?

ТАНЯ. Бедный. У него все в голове смешалось.

МАРИНА. Родители умерли, он вообще без присмотра. Надо его сдавать в психушку. Завтра позвоню.

ОЛЕГ. Тебе бы все кого-то сдавать. Его ж пожизненно закроют.

МАРИНА. Лучше, чтоб он под электричку попал?

ТАНЯ. Он все так же провожает электрички?

ОЛЕГ. Провожает и встречает, как швейцар. Я ему бейсболку красную подарил, он счастливый такой. Ходит, машет ей, как красным флагом.

МАРИНА. Дураки любят красный цвет.

ТАНЯ. Дядя писал, у них трагедия в семье.

МАРИНА. Да брата жена по пьянке зарезала, а тот был основным опекуном. А как из тюрьги вышла, Саша ей тут стал мешать.

ОЛЕГ. Ох, Маринка, любишь ты всякие сплетни собирать. Тебе бы в «Пусть говорят».

МАРИНА. Ну а что я не так опять сказала? Тань, он к каждому моему слову цепляется, я уже не могу.

ТАНЯ (смеется). Это возрастное. Я тоже как начну гундеть, потом вдруг остановлюсь и анализирую: неужели это я только что была?

ОЛЕГ (Марине). Вот, учись, как женщина себя должна вести.

МАРИНА (Тане). Вот видишь, видишь!

Смеются. Едет поезд – один, другой, третий, заглушая разговор, который заметно оживился. В коротких перерывах они успевают докричаться друг до друга, но в основном не слышат, каждый будто разговаривает сам с собой.

ТАНЯ. Я и забыла, что здесь такое оживленное движение! А хорошо работает РЖД-то!

МАРИНА. Можно было бы и похуже. Я так и не смогла привыкнуть к этому шуму. Уезжаю отсюда всегда больная, разбитая, вот с такими мешками под глазами.

ТАНЯ. А мы любили в детстве. Ляжешь, глаза закроешь – и будто в поезде едешь: чух-чух-чух-чух. Я все время на море ехала. Вот в итоге и уехала.

ОЛЕГ. А я только в Гаити и отдыхаю. На Гаити, как у нас тут говорят. Здесь так спокойно. Я за четыре часа высыпаюсь.

ТАНЯ. Нервная работа?

ОЛЕГ. Все нервное.

ТАНЯ. Большим человеком зато стал.

ОЛЕГ. Это ты на живот намекаешь?

МАРИНА. Это, он говорит, у него мозоль, Тань. Трудовая.

ТАНЯ. А почему такая большая?

ОЛЕГ. Много трудился потому что.

ТАНЯ. Трудоголизм, как и алкоголизм, очень усложняет жизнь.

ОЛЕГ. Да, а бывает еще и два в одном. Так и живем. И легких путей не ищем.

ТАНЯ (смеется). Как страшно жить. Слушайте, а вы понимаете, что мы ровно полжизни не виделись?

ОЛЕГ. Так это, Марина Валерьевна...

МАРИНА (Тане). Когда он называет меня «маринойвалерьевной», это значит – началась стадия отрицания.

ТАНЯ. А сколько их всего?

МАРИНА. Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Пять!

ТАНЯ. Ого.

ОЛЕГ. Марина Валерьевна!

МАРИНА. О! Гнев. А дети в детстве, когда их спрашивали, как зовут маму, не выговаривали и называли меня малиновым вареньем.

ОЛЕГ. ... Получается, я уже целую половину жизни с тобой промучился?

МАРИНА. Родил наконец. И дальше будешь мучиться, Олежек, до самой смерти.

ОЛЕГ. Моей или твоей?

МАРИНА. А мы умрем с тобой в один день, как в сказке. Жили как в сказке: чем дальше, тем страшнее, так и кончим.

ТАНЯ. Ребят, вас так смешно слушать. Вам ведь по сорок лет обоим!

ОЛЕГ. По сорок четыре.

ТАНЯ. А ведете себя как подростки.

ОЛЕГ. Да в детство впадаем потихоньку просто.

ТАНЯ. И шутки такие же. Неужели так бывает? Я вот будто новую жизнь начала.

ОЛЕГ. А почему в Сочи?

ТАНЯ. Хотелось в тепло и как можно дальше отсюда.

МАРИНА. Так мы к тебе теперь будем в гости приезжать. У меня даже имя подходит.

ТАНЯ. Это как?

МАРИНА. «Марина» в переводе с латинского – «морская».

ТАНЯ. Маринка, ты и тут успела! А приезжайте. Я расширю бизнес, мне нужны рабочие руки.

МАРИНА. Да что ж такое-то, и там нужны мои рабочие руки! Мне где-нибудь отдохнуть дадут раз в жизни?

*Снова поезд, навстречу другой, затем грузовой. И за-
тишь.*

ТАНЯ. Пятьдесят три.

ОЛЕГ. Шестьдесят семь!

МАРИНА. Это вы гадаете, кто сколько проживет?

ОЛЕГ. Это мы гадали, через сколько секунд ты заговоришь.

ТАНЯ. Это мы вагоны посчитали.

Саша вышел на перрон. Проехала электричка. Саша машет бейсболкой.

ТАНЯ. Вы его сдать хотите, а он, может, ваш ангел-хранитель. Ну, не лично ваш, а местный, гатский.

МАРИНА. Вот именно, что гатский. Пойду покормлю его.

ТАНЯ. Может, пока он здесь, и с Гатью все будет в порядке. А не станет его – и кто знает? Приедут и отберут у вас землю.

ОЛЕГ. Где ж ты была, Танька?

ТАНЯ. Я с тех пор много где была.

ОЛЕГ. Нет, я про тогда. Мы тебя тогда очень ждали.

Олег с Таней продолжают свой разговор под непрерывный шум поездов.

ТАНЯ. А я, Олежик, вообрази, прямо за вами шла к мосту. Но ты был так увлечен Мариной Валерьевной, что я решила не мешать.

ОЛЕГ. Подожди-подожди, ты о чем?

ТАНЯ. Олег, ну давай без пошлых сцен. Столько лет прошло, я уже совсем взрослая тетенька.

ОЛЕГ. Ты была в тот день у моста? Ты все знала и не пришла на похороны?

ТАНЯ. Во-первых, я пришла на похороны.

ОЛЕГ. Странно, я тебя там не видел.

ТАНЯ. Да ты никого, кроме Маринки, не видел.

ОЛЕГ. Горе очень сближает. Ну, я так думал тогда.

ТАНЯ. Ты ли? Слова как будто не твои.

ОЛЕГ. Я же себя виноватым чувствовал.

ТАНЯ. А теперь? Простил себя?

ОЛЕГ. Тань, ну не начинай.

Олег выходит из дома, спрятавшись в палатке. Электрички, товарняки, пассажирские идут один за одним. Таня села у окна, приоткрыла штору и смотрит на железнодорожный мост, на перрон, на Сашу в красной бейсболке, который спрятавшись от дождя под козырек остановки и жадно ест булку. Таня помахала ему, но он не видит. Промчался поезд, еще один, другой, исчез Саша, исчез пер-

рон, исчез мост. Таня будто бы едет в поезде, одна в купе, едет далеко-далеко – в прошлое. Возвращается Марина.

МАРИНА. Покормила идиотика.

Таня ее не слышит.

МАРИНА. Так жалко его. Он такой благодарный, как собака. Никого же у него не осталось на всем белом свете.

Пауза.

МАРИНА. А домой же не возьмешь. Человек все-таки, не собака. И как вот с ним быть? Пропадет.

Пауза.

МАРИНА. Дождь пошел. Хорошо, что мы в доме сели.

Пауза. Марина подходит к Тане, тормошит ее. Идет бесконечный грузовой поезд.

МАРИНА (кричит). Танюха, ты в обидках все еще?

ТАНЯ. В чем?

МАРИНА. Ну обижена на меня, может.

ТАНЯ. Я? Да нет, что ты.

МАРИНА. И правильно. Нечему завидовать потому что. Я дня с ним счастлива не была. Лучше бы ты тогда приехала и он бы с тобой остался. А я бы с Костей. Может, он бы не полез на этот чертов мост, если б мы тебя встретили. Он меня так любил, Танюха, он так меня, Танюха, любил! Меня никто никогда так не любил. Я, может, в этого вцепилась, чтоб Костя никуда из нашей жизни не делся. Что мы связаны так все будем будто, понимаешь? Я подумала тогда: вот вы сейчас

поженитесь, а я куда? Я одна? Незамужняя вдова? Вы поженитесь такие, значит, его отец тебя в какое-нибудь теплое местечко пристроит, ты в декрет потом, династию продолжишь. А я где? В Чернушку мне возвращаться? Вы тут будете жить в собственном многоэтажном доме, который вам его папаша построит, размножаться, а я у себя в Чернушке буду электрички встречать? Спасибо, нет. Я видела тебя на похоронах, но ему не сказала. А ему я другое сказала. «Мы с тобой, – сказала, – теперь до конца жизни этой смертью повязаны». Вот что сказала. И он мне поверил. Сгреб вот так в охапку и ревет: «Маринка, не бросай меня, я повешусь, не бросай!» Я и не бросила. Его. Я себя бросила. Ты вон как куколка, тоненькая, молоденькая, а я как баба на чайник. Да умру скоро. А жизни и не было никакой. Верь, Танька, что русский народ говорит: на чужом несчастье счастья не построишь.

ТАНЯ. А еще он говорит: не было бы счастья, да несчастье помогло.

МАРИНА. А?

ТАНЯ. Ты меня не слышала?

МАРИНА. Электрички, этот шум, я оглохла уже в этой вашей гадкой Гати! (Плачет.)

Возвращается Олег.

ОЛЕГ. Девчонки, там так хорошо – дождь прошел, сейчас туман. Пойдемте на улицу?

ТАНЯ. А пойдемте купаться?

МАРИНА. Я не пойду, у меня ноги болят.

ОЛЕГ. Болят мои ноги! А я пойду. Пошли, Маринка.

МАРИНА. Ну я сказала же. Идите.

ОЛЕГ. Ох, Марина Валерьевна, допритворяешься, переженюсь на Таньке.

МАРИНА. Ой, ну это на здоровье.

ТАНЯ (смеется). Ну уж нет, мне секунд-хенд не нужен.

ОЛЕГ. Да что бы ты понимала во вторых руках! Секонд-хенд – лучше новых двух. Ладно, давай к мосту и обратно.

МАРИНА. Только не к мосту, Олег, умоляю.

ОЛЕГ (*обнимает ее*). Ладно-ладно, Маринка, не волнуйся. Ты ложись, мама, че-то ты рано сегодня расклеилась.

Таня идет к выходу.

МАРИНА. Точно к мосту не пойдете?

ОЛЕГ. Точно-точно, ложись.

Таня оборачивается. Олег обнимает Марину. Вспышка.

Фотография четвертая

Гроза. Олег с Таней сидят под мостом. Во все стороны от них тянутся линии электропередачи.

ТАНЯ. Скажи, а почему вот там две сосны пожелтели?

ОЛЕГ. Где? А, эти? Это известные сосны. Никто не знает. Они молодые еще, вот что обидно. Мы сначала грешили на беспокойного соседа. Он все что-то строил-строил, колотил возле них. Штаб себе, короче, построил в ветках – видишь?

ТАНЯ. Реально штаб? А сколько ему лет?

ОЛЕГ. Да порядочно. Ну, не штаб, конечно, дом, но очень похож на штаб. Или на пожарную вышку. Поняла?

ТАНЯ. Ну. А сосны тут при чем?

ОЛЕГ. Блин. Да ни при чем. Ну, то есть мы все думали, что это они из-за его строительства пожелтели. Пошли выяснять, а он говорит, сам понять ниче не может. Стояли молодые сосенки, а потом вдруг раз – и желтые в один день.

ТАНЯ. Как Костины родители. Были молодые, а потом в один день – как два старичка. Олег, им же тогда было как нам сейчас.

Молчат.

ТАНЯ. Слышишь?

ОЛЕГ. А?

ТАНЯ. Слышишь, что-то звенит? Это ток?

ОЛЕГ. Я только один ток сейчас чувствую. Внутренний и бесперебойный. *(Обнимает ее.)*

ТАНЯ. Ну я серьезно же. Это провода так, что ли, звенят?

ОЛЕГ. Это я, Танька. Чувствуешь, какая от меня вибрация?

ТАНЯ. Вижу в небе полную луну.

ОЛЕГ. Нет, ты серьезно не понимаешь, что намечается землетрясение?

ТАНЯ. Сотрясение намечается у кого-то, вот это я прекрасно чувствую.

Олег отстраняется от нее, закуривает.

ТАНЯ. Помнишь, я здесь каждое лето ходила по ночам проверять, светится тело в воде или нет?

ОЛЕГ. Ну.

ТАНЯ. Так вот. Светится! Только на юге, в море. Плынешь – и такие искры от тебя идут! Будто ты фосфором обмазалась.

ОЛЕГ. Как бы сейчас от нас с тобой искры не пошли...

ТАНЯ. Молния бьет в самую высокую точку. Надо лечь, наверное?

ОЛЕГ. Вот. Это разговор. И, кстати, это очень эротично с твоей стороны, Татьяна Иосифовна.

ТАНЯ. Когда я Иосифовной-то стала?

ОЛЕГ. Неважно. Ложимся. *(Обнимает ее и силой притягивает к земле.)*

ТАНЯ. Да я не в этом смысле!

ОЛЕГ. А я – в этом. *(Целует ее.)* Че же ты наделала, Танька?

ТАНЯ. Я «что наделала»?

ОЛЕГ. Да лежи ты! На самом деле опасно. У нас один парень на работе хотел подхалтурить, вышел в выходной на объект. Шли обратно через поле, и – гроза вдруг. А он высокий, черный. В общем, сориентироваться не успел, прямо в него молния ударила.

ТАНЯ. Везет тебе на такие истории.

ОЛЕГ. Я спросил электрика Петрова: «Ты зачем надел на шею провод?»

ТАНЯ. Ничего Петров не отвечает, лишь висит и ботами качает.

ОЛЕГ. Вот девочка красивая в кустах лежит нагой, другой бы изнасиловал, а я лишь пнул ногой.

ТАНЯ. Шел я мимо пилорам...

ОЛЕГ. Дальше шел я пополам. Пока гроза не закончится, будем лежать здесь. И стихи друг другу читать. Дядя Костя твой, между прочим, меня на Григорьева посадил.

ТАНЯ. Да, он любил.

ОЛЕГ. Он странный был человек, твой дядя Костя.

ТАНЯ. У нас почему-то все, что не могут объяснить, называют странным.

ОЛЕГ. Скажи спасибо, что не сраным.

ТАНЯ. Спасибо.

ОЛЕГ. Ты обиделась? Я пытался шутить. Дядю твоего я уважал.

ТАНЯ. А ты знаешь, что он мне не был дядей?

ОЛЕГ. Внезапно.

ТАНЯ. Да, не был. Он однокурсник моей мамы. Который, как ты уже догадался, ее всю жизнь любил.

ОЛЕГ. Очень его понимаю.

ТАНЯ. И поэтому не женился – ждал ее всю жизнь.

ОЛЕГ. И не дождался.

ТАНЯ. Бывает и такое, Олежек. Редко, больше в книжках, но вот тебе реальная история.

ОЛЕГ. Да, ловко вы нас тут всех развели.

ТАНЯ. А я сама долго не знала, а когда узнала, так расстроилась! Плакала, а он меня утешал. Говорил, что друзья бывают часто ближе родственников. И мы тогда договорились, что мы с ним лучшие друзья. А потом я узнала, что он меня единственную в завещание вписал. Как мне с ним было хорошо, Олег! С ним и вот с Костей еще. Так легко и просто – ни с кем так не было больше никогда.

ОЛЕГ. А он к тебе не подкатывал, когда ты подросла?

ТАНЯ. Олег, ты пошляк. И я с тобой больше не разговариваю.

ОЛЕГ. Хорошо, можешь не разговаривать, давай лучше молча целоваться. Как двадцать лет назад. Тань...

ТАНЯ. Отстань!

Молчат. Дождь не прекращается.

ОЛЕГ. Меня его жена потом хотела засудить. Типа это он из-за меня на объект пошел. А я в тот раз правда не виноват был. Он сам попросился. У них только ребенок родился, и он хотел заработать. Ну и заработал на всю жизнь. Сидит в инвалидном кресле, фекалиями бросается.

ТАНЯ. Так он живой?

ОЛЕГ. Вот в этом случае совершенно зря. Откачали мужики, а у него кукушка поехала.

ТАНЯ. Как у Саши?

ОЛЕГ. Хуже. Саша наш добрый, а этот злой стал. Жена ушла от него в итоге.

ТАНЯ. И на что он живет?

ОЛЕГ. Ну, соержу его.

Молчат. Таня смотрит на него, гладит по лицу.

ОЛЕГ. Старый совсем стал, да?

ТАНЯ. Седой. Морщинки вот тут. И глаза совсем не блещут.

ОЛЕГ. Че, и сейчас? *(Прижимает Таню.)*

ТАНЯ. Сейчас некоторый блеск наблюдается, конечно. Но подозреваю, что это отблески воды.

ОЛЕГ. Ты моя, моя, все равно моя.

ТАНЯ. Нет, Олег. Я уже сама своя только. Своя и одного чудесного мальчика.

ОЛЕГ. Мальчика чудесного? Понимаю. Тогда это точно возрастное. Хочется вечной молодости, да? Продлить, подкачать энергии. Ты себе, поди, тоже вот эту всякую хрень колешь, как Маринка?

ТАНЯ. Да нет, мне не надо.

ОЛЕГ. Хочешь сказать, вот так можно выглядеть в наши годы естественным половым путем?

ТАНЯ. Можно.

ОЛЕГ. Ой, ладно, не свисти. Я сам лично Маринку вожу к этим косметологам, я про все ваши девичьи закуски знаю. Нити все какие-то она вшивает, мешки нарезает. Колет че-то все, колет, колет, колет... Куда ты делась тогда? Вся ведь жизнь могла по-другому пойти.

ТАНЯ. Да я за камерой поехала. Хотела Костю с Маринкой снимать, чтоб потом на свадьбу им фильм сделать. Там оператора этого ждала долго, потом на попутке поехала, мы заблудились. Вот знаешь, будто кто специально путал нас. Вы-то меня пошли с электрички встречать, а я к вам – сюрпризом, на машине. Дядя Костя сказал, что к мосту вас послал, и я побежала за вами. С камерой. Довольно быстро вас, кстати, нашла. Вдруг вижу: ты Марину берешь за ручку. Как-то так интимно даже, я бы сказала, берешь. Я еще подумала: «А почему они за ручку?» Это же ты только со мной так ходил. А как же я? А Костя?

Видео, которое сняла Таня

Двадцать два года назад. Восемнадцать двадцать. Только что прошла электричка. Железнодорожный мост на станции Гать. По шпалам идут Олег, Марина и Костя.

КОСТЯ. Марин.

МАРИНА. А?

КОСТЯ. На минутку.

МАРИНА (*подходит к нему*). Ну че ты опять?

КОСТЯ. Маринка, ты любишь меня?

МАРИНА (*цокает*). Ну началось за рыбу деньги.

КОСТЯ. Нет, ты скажи, как есть.

МАРИНА. А ты меня?

КОСТЯ. Маринка, я... Я – да. Глаза закрою, а ты все время вот тут. (*Фотографирует ее.*)

МАРИНА. Как романтично. А на мост вот этот ради меня залезешь?

КОСТЯ. Да легко. Стой. Такая красивая ты сейчас в лучах. Дай последний раз щелкну. (*Фотографирует и отдает ей фотоаппарат.*)

МАРИНА (*смеется*). Все? Я попала на красную пленку?

Костя бежит к мосту, спотыкается на шпалах, падает. Марина подходит к Олегу, он берет ее за руку, Марина смеется. Костя оборачивается.

КОСТЯ. Маринка, смотри, там «Костя» написано! Это про меня! (*Быстро лезет на мост.*)

ОЛЕГ. Зачем он?

МАРИНА. Потому что любит! (*Смеется, прижимается к Олегу.*)

ОЛЕГ. Ты дура, что ли? Не понимаешь, что это опасно? Костяй!

КОСТЯ (уже на самом верху). Все гузэн! Здесь так хорошо. Давайте ко мне!

ОЛЕГ. Костя, слезай давай. Это опасно.

МАРИНА. Да че там опасного? Он же за перила держится.

ОЛЕГ. Ты дура совсем. Ты знаешь, какое там напряжение? Костяй, давай слезай быстро. (Бежит к мосту.)

Костя идет к спуску с моста, но железнодорожные мосты на маленьких станциях почему-то устроены так, что с каждой стороны есть только лестница на подъем. Чтобы спуститься, надо вернуться обратно. Либо пересечь перекладину под напряжением, аккуратно перешагнуть провод и спуститься с другой стороны. Что он и делает.

КОСТЯ (кричит). Маринка, ты запомни этот момент. Я тут был. Спускаюсь. Все гузэн.

МАРИНА (Олегу). Ну вот видишь, все хорошо. Че ты так заволновался? (Целует его.)

Вспышка. Костя летит с моста вниз. Конец пленки.

ТАНЯ. И только я подумала все это, Костя вдруг на этот мост взлетел, а потом вспышка – и все.

ОЛЕГ. Я тебя ужасно ждал тогда. С утра проснулся такой и понял, что все. Не могу без тебя. Решил, что замуж позову, как только ты в Гать приедешь. Ну а че тянуть? Институт окончили, работа была, жить есть где. Мать предупредил, что за невестой уехал.

ТАНЯ. А вернулся с Мариной.

ОЛЕГ. Я прекрасно понимаю, что это выглядит как сцена из очень плохого фильма. Но именно так и было. Я ждал тебя и постепенно напивался. А жара была. Мы

с Костяном еще шпалы потаскали – устал я. А тебя все нет и нет. И че-то я так разозлился тогда. Будто и не я. И повода не было: ну задерживаешься, например, бывает. А Костян с Маринкой все обнимаются, воркуют. Ну, и я со злобы решил ее отбить.

ТАНЯ. Зачем?

ОЛЕГ. Вот от дури какой-то, говорю. Она мне и не нравилась даже. Раз подкатил – а она, вижу, не против. Я ее в малину затащил, пока Костян не видел, а она не сопротивляется, хохочет. И у меня реально солнечный удар будто случился. Дальше все как в тумане. Мы зашли за тобой, дядя Костя говорит: «Нету, ждем. Идите, – говорит, – пока к мосту, искупайтесь, там народу нет». Ну, мы и пошли. Я Маринку хватаю, а Костя не видит. У него ж зрение минус восемь, и линза одна, пока мы шпалы таскали, выпала, ему с таким зрением вообще тяжести нельзя, а он молчал. В общем, линза выпала, он реально как слепой шел. А Маринке не хотел показывать. Подходим к мосту, он на него смотрит и вдруг так обрадовался! Увидел, что на нем написано «Костя» вот такими буквами. И, по ходу, не столько надписи обрадовался, сколько тому, что вот, увидел же! У них же, у близоруких, свои радости. Он мне рассказывал как-то, как в первый раз увидел, что дома из кирпичей состоят. В двадцать один год. За год до смерти. Строитель. Я говорю: «А че, ты в натуре не видел раньше?» Нет, теоретически он, конечно, об этом знал. Но пока линзы не надел, видел только на двадцать сантиметров перед собой, прикинь? А очки стеснялся носить, стекла вот такой толщины потому что были. Как вот так можно жить, я не понимаю. И вот он видит эту надпись и счастлив, что сам увидел. «Это про меня!» – кричит. И как взлетит на этот мост, я опомниться не успел. Вдруг вспышка – и он летит вниз. Мы с Маринкой подбегаем к нему, а он лежит вот так. Кисти вот так скрючены, а пальцы все черные. Как за перила

держался, так и осталось. Я его начал трясти, поднимать, а Маринка говорит: «Не трогай. Это все». Я обматерил ее тогда. Пульс слушаю, а он тукает, прикинь! Я обрадовался. «Костя! – кричу. – Костян, вставай!» – кричу. А пульс так тук... тук... тук... И вдруг затих. Я его на руки схватил и потащил, а он такой тяжелый сразу стал. Мы упали вместе прямо на шпалы. И я думаю: «Хоть бы сейчас какой-нибудь поезд проехал, чтобы разом все – и все». И ни одного поезда, как назло. А потом уже помню, как Маринка меня за руку держит у меня дома. Гладит и че-то говорит, говорит, говорит... И мне так спокойно вдруг стало с ней, что я уснул. И, видимо, до сих пор спал. Все проспал.

Таня гладит Олега по голове, целует. Он плачет.

ТАНЯ. Милый мой, бедный, хороший.

ОЛЕГ. Ведь это мой лучший друг был, Танька! Лучший мой друг. Единственный. Я ему все вообще рассказывал, ему одному. И тут я такая мразь вдруг. Зачем я все это сделал? Зачем я Маринке жизнь сломал?

ТАНЯ. Все позади уже, и Костя, я думаю, вас давно простил.

ОЛЕГ. Как бы он нас простил, если его нет?!

Фотография пятая

Марина с перевязанной полотенцем головой слоняется по дому. Приляжет, опять встанет. Берет телефон. Набирает номер.

МАРИНА. Севилья? Дочь... А сколько? Ох, прости, зайчонок, у меня мигрень, я на часы и не смотрю. Папа? Купаться ушел.

В калитку стучат.

МАРИНА. А вот и пришел уже. Все, спите, доча, не волнуйтесь. Целую.

Подходит к калитке.

МАРИНА. Кто там?

КОСТЯ. Извините за поздний визит. Это Костя.

МАРИНА. Костя?..

Открывает дверь. Перед ней стоит молодой парень лет двадцати.

КОСТЯ. Здравствуйте.

МАРИНА. Здравствуй... те.

КОСТЯ. Я маму потерял, она не у вас?

МАРИНА. Маму потерял... У нас так в Чернушке говорят: «Че, маму потерял?» Какую еще маму ты потерял, мальчик?

КОСТЯ. Таню. А вы – Марина, да?

МАРИНА. Я Марина, ты Костя. Я схожу с ума, да?

КОСТЯ. У вас просто очень много событий за один день. Так мама не у вас?

МАРИНА. Мама с папой пошли купаться, сынок. Не видишь, пляжный сезон вовсю идет? Все, давай шагай, парень, пока я мужа не позвала.

КОСТЯ. А мужа Олег зовут.

МАРИНА. А ты хорошо подготовился. Изучил, так сказать, вопрос. *(Кричит.)* Олег!

КОСТЯ. Поймите, я не вор. Можно я у вас посижу, пока они не вернулись? Я пошел фотографировать, а ключи забыл. Пришел, а мамы нет. И дождь.

МАРИНА *(заметила)*. И правда, дождь... А я думаю, что у меня так голова раскалывается? Ладно, проходи.

Иногда, говорят, проще дать, чем объяснить, почему нет.
Иди вон в палатке посиди.

Костя входит в палатку.

МАРИНА (*кричит ему*). Сейчас табуретку принесу.
Не холодно там?

КОСТЯ. Все гузэн.

МАРИНА (*действительно приносит табуретку*). Как ты сказал?

КОСТЯ. Все гузэн.

МАРИНА. Ты не можешь так говорить, так говорил только один Костя. Очень давно, ты еще не родился. Откуда ты знаешь это слово?

КОСТЯ. Ну, не знаю... В кино, может, видел. А. Так... Или нет... От мамы, может?

Марина входит в палатку и долго рассматривает Костю.

МАРИНА. Костя, это ты?

КОСТЯ. Ну да.

МАРИНА. Ты за мной пришел?

КОСТЯ. Нет, я за мамой. Точнее, за ключами.

МАРИНА. А помнишь, ты во сне к Олегу пришел и говоришь: «Че-то я на Маринку такой злой!»?

КОСТЯ. Ну, это вряд ли можно помнить... Да и вряд ли я дяде Олегу мог присниться, он же меня не видел никогда...

МАРИНА. И мне наутро на стройке балка на голову упала. Бац – и ушиб мозга.

КОСТЯ. Сочувствую.

МАРИНА. А Севилье в школе ворота футбольные на голову свалились.

КОСТЯ. Ого.

МАРИНА. Тоже, скажешь, ни при чем?

КОСЯ. Нет, не скажу. Вам просто надо прилечь и поспать. Так думаю.

МАРИНА. Так думаешь? А что мы ее чуть не потеряли, не думаешь?! У нее перелом основания черепа был. Ей на кладбище прогулы ставили, так не думаешь?

КОСЯ. Так – нет.

МАРИНА. Ну что я должна была делать? Ты погиб. Страшно, трагически. Но я-то живая! Я-то молодая была! Ну что мне, всю жизнь траур носить было?

КОСЯ. Да вы и года-то не носили, мама говорит. Говорит, вы через год уже за дядю Олега замуж вышли.

МАРИНА. Да-а-а? А что еще твоя мама говорит?

КОСЯ. Говорит, что Олег – ее жених был. А вы – ее лучшая подруга.

Некоторое время молчат.

МАРИНА. Я думала, конечно, что все по-другому будет. Я когда к тебе домой приходила, гадала, в какой комнате мы с тобой будем жить. Твои родители мне нравились, сестра всегда улыбалась, видно было, что мне рады. Я понимала, что вы не очень богатые, но мне правда все это было безразлично. Мне нравилось, что с вами не надо напрягаться, что я как дома. А потом все враз сломалось, понеслось. Сначала этот Курочкин со своими подарками.

КОСЯ. Да, темные очки, конечно, не надо было брать.

МАРИНА. Знаешь, как мне хотелось! У меня в жизни не было темных очков. Это ж ничего не значило!

КОСЯ. Но вы же понимали, что это некрасиво.

МАРИНА. Не понимала, милый! Молодая была совсем, глупая. Думала: «Ну что такого? Очки возьму у Курочкина, а любить все равно буду одного Костю».

КОСЯ. А замуж за Олега вышли.

МАРИНА. Так, я покурю.

Выходит, возвращается с сигаретой.

МАРИНА. Не куришь?

КОСТЯ. Нет.

Молчат.

МАРИНА. Так мне стыдно было перед твоими родителями! Да мне до сих пор стыдно. Они же меня за невесту принимали. Особенно мама. Она вообще почему-то решила, что я беременная. Говорит: «Рожай, Марина. Если тебе сейчас не до того, мы вырастим». А я говорю: «Да вы что, Костя себе такого со мной никогда не позволял!» Я запуталась тогда совсем. Не знала, как себя правильно вести. Думала, твоей маме легче будет, если все будут считать меня невестой. Ну, что у парня хоть какая-то радость была в жизни. И сама, главное, в это поверила! А перед самыми похоронами съездила домой, там на меня наши бабки деревенские накинулись и давай учить, что я должна сделать, что надо тебе над гробом сказать. Я и сказала. «Мы к тебе, – сказала, – будем приходить, а ты, – сказала, – к нам не ходи!» Сказала и вдруг вижу глаза твоей мамы. Она рядом на коленках стояла. И как отшатнулась от меня. А меня так бабки научили. Мы к тебе будем приходить, а ты к нам не ходи! Зачем ты пришел? *(Плачет.)*

КОСТЯ *(гладит ее по волосам)*. Тетя Марина, вы успокойтесь. Вам успокоиться надо.

МАРИНА. Тетя Марина! Тоже мне, дядя Костя! Я сама понимаю, что мне недолго осталось. Что виновата перед всеми: перед тобой, перед родителями, перед Танькой, перед Олегом... Кругом. И я устала так жить, если чест-

но. Я очень устала. Я и не жила толком, Костя. Всю жизнь только бежала, старалась успеть: сначала замуж, потом родить, потом еще родить, чтоб уж наверняка. Замужем. Меня мама так воспитывала: женщина должна создать семью, родить детей и всю жизнь держаться за мужа. Квартира, дом, все мне было надо, надо, надо... А сейчас смотрю: и зачем все это было? Мы с Олегом сначала от страха слепились. Думали же, что нас судить будут, посадят. Так испугались! Общую линию поведения разработали. А нас никто и не спросил. Дорога подстраховалась, какие-то запретительные знаки на мост навесила: типа так все и было. А так не было! Там же любой человек мог забраться за столько лет. В общем, ждали мы, ждали суда, смотрим, а уже Севилью пора ждать.

КОСТЯ. Да за что вас судить? За то, что было под мостом?

МАРИНА. Да что было-то? Ну поцеловалась я с Олегом, это ж ничего не значило! Он весь день ко мне лез. То в малине зажмет, то водой обольет. А когда на мост пошли, его вообще развезло и понесло. Я так понимаю, это все из-за Татьяны было. Его почему-то страшно задело, что она не приехала. Он хотел со мной посеCRETничать, тоже считал, что мы с ней лучшие подруги, видать. А ты все фотографировал, фотографировал, ничего вокруг не видел... А потом как взлетел на мост. «Это про меня! – кричишь. – Запомни, Марин, я тут был». Это шифр такой мне был: я тебя люблю, Марина. Двадцать два года у меня все это перед глазами. Глаза закрываю: вспышка – и ты летишь. Будь проклят этот мост. Зачем ты на него полез? Кто там написал «Костя»? Саша, этот дегенерат, и написал наверняка. А ты знаешь, что сколько его ни перекрашивали, надпись всегда проступает? И с каждым днем все ярче, ярче. А этот ни в какую не хочет дом продавать. Вон он, мост, прямо под нашими ок-

нами, сколько бы я ни пряталась, он будто следит за мной. Это Саша, наверное, подкрашивает специально, чтобы я не забывала. Они тут всей Гатью сговорились! А я ни дня и не забывала! Я каждый день вспоминаю о тебе и то люблю, а то прямо ненавижу!

Пауза.

МАРИНА. Где сейчас эти фотографии? Вот бы посмотреть, понять хоть ту девчонку.

КОСТЯ. Мама видела у Костиных родителей. Костины родители их напечатали.

МАРИНА. Вот бы посмотреть!

КОСТЯ. Вам лучше не надо.

Пауза.

МАРИНА. В детстве мне кто-то рассказал про красную пленку. Говорили, что если в фотоаппарате красная пленка, то на фотографиях ты получаешься абсолютно голой. Никто никогда не видел снимков, но парни в школе нас пугали и шантажировали. Придет такой в класс с фотоаппаратом и носится за тобой. Фоткает, фоткает, а потом такой: «Все, ты на красной пленке!» А на следующий день приходит и так загадочно на тебя смотрит. И шепчется с другими. И ты краснеешь похлеще любой пленки. Типа про тебя теперь знают все. Тебя сосчитали. Ты под колпаком. Ну и всякие подобные глупости.

Пауза.

МАРИНА. А ты меня всегда такой красивой фотографировал. Я на твоих фотографиях – самая красивая девушка СССР всегда была. Потому что любил. Да? Поэтому?

Я удивляюсь: как ты со своими минус восемь мог делать такие красивые фотографии?

Пауза.

МАРИНА. Мама твоя мне рассказала, что перед тем, как ты... ну, в общем, накануне где-то увидела дома белого таракана.

КОСЯ. И что?

МАРИНА. Что-что! Примета такая. К смерти.

КОСЯ. Да ну.

МАРИНА. Вот ничего и не «да ну». Мне говорили, на полнолуние солить нельзя. А я посолила. И все банки взорвались сегодня.

Пауза.

МАРИНА. Коса.

Коса молчит, смотрит на нее.

МАРИНА. Коса. Милый мой, любимый. (*Встает перед ним на колени.*) Прости меня.

КОСЯ. Встаньте, тетя Марина. Вы правда ошибаетесь.

МАРИНА. Нет. (*Целует ему руки.*) Прости меня, Коса. Меня Олег всю жизнь душой зовет. Это так и есть. Дура я проклятая. Что я по своей дурости натворила! Мне вот врачи говорят, что немного осталось. А я рада. Девчонок только жалко. Но они уже взрослые, справятся. Я их все му научила. Ничего хорошего я не построила в жизни. Не получилось. Я каждое утро вставала и просила тебя, как Бога. Сначала – прости, затем – помоги. А ты не прости и не помог. И знаешь-ка что? А вот что. Правильно сделал, что не помог. Не заслужила.

Уходит. Возвращается с банкой краски.

МАРИНА. Мы сейчас пойдем с тобой на этот мост, залезем вместе на него и все исправим. Напишем: «Костя + Марина». И все закончится.

Костя закрывает палатку изнутри.

МАРИНА. Ты чего это?

КОСТЯ. Посидим.

МАРИНА. А ты чего это в чужой палатке раскомандовался?

КОСТЯ. А зачем вам, кстати, летом зимняя палатка?

МАРИНА. А чтоб негры спрашивали. Послушай, мальчик, я ведь и вдарить могу. Давай-ка иди спать, завтра елка.

Марина бросается на Костю, рвется, плачет, но он скручивает ее и крепко держит.

Фотография шестая

Дождь наконец прекратился. Пахнет свежестью – озоном. Таня раздевается и идет в реку.

ОЛЕГ. Ты прям так?

ТАНЯ. Я так на море привыкла.

ОЛЕГ. Вы там все нудисты, что ли?

ТАНЯ. Да почему? Я ночью, когда никто не видит. Вхожу вот так в море – и плыву. И свечусь, как мечтала.

Олег тоже раздевается и идет за ней.

ОЛЕГ. Прям Адам и Ева.

ТАНЯ (смеется). Змея нам только не хватает. Или змеи.

ОЛЕГ. Да я сам уж!

Плавают, брызгаются, смеются. Со стороны да в темноте даже и непонятно, что это взрослые люди. Кажется, что дети.

ТАНЯ. А свечения так и нет!

ОЛЕГ. Да как это нет? Следи за руками!

Олег подплывает к Тане, и они какое-то время плывут рядом. И вода рядом с ними и правда светится, хоть такого на Урале и не бывает: проверено. Олег останавливается и притягивает к себе Таню.

ОЛЕГ. Тань.

ТАНЯ. Я и забыла, как у нас тут мелко.

ОЛЕГ. Танька.

ТАНЯ. А стоять холодно, слушай! Не май месяц. Пойдем-ка одеваться.

ОЛЕГ. Танюха.

ТАНЯ. А это что там, остров, что ли?

ОЛЕГ (плывет за ней). Плавучий остров, да. Татьян!

ТАНЯ. Не помню такого совсем. Это река зарастает, что ли?

ОЛЕГ. Да послушай ты.

ТАНЯ. Ничего не хочу слушать! Сейчас начнется: давай все вернем, давай как будто не было ничего! А двадцать лет кто вернет мне? Я из психушек не вылезала, только в себя пришла. Не начинай, Олег. Все. Нет больше никаких «если». Ты нас предал. Ты все предал. (Выходит на берег, одевается.)

Олег выходит за ней.

ОЛЕГ. И что мне теперь делать? Утопиться мне? На мост этот проклятый залезть и прыгнуть? Я тебя люблю.

ТАНЯ. Это все с утра пройдет, Олеж.

ОЛЕГ. Не прошло за двадцать лет.

ТАНЯ. Утром я уеду, месяц повспоминаешь – и забудешь, как двадцать лет не помнил.

ОЛЕГ. Я не помнил? Да я тебя искал как бешеный. Но ты все следы запутала. Дядю Костю извел. Он уж от меня шарахался тут.

ТАНЯ. Знаешь, мой папа говорил: тот, кто хочет сделать, тот берет и делает. А кто не хочет, находит причину, чтоб не делать.

ОЛЕГ. Не веришь, значит. Ну что ж. (Быстро одевается и уходит.)

И уже через несколько минут Таня видит его у железнодорожного моста. Он пытается залезть на него, преодолевая заграждения.

ОЛЕГ. Блин, понагородили тут.

ТАНЯ. Олег!

ОЛЕГ. Ну ниче-ниче. Кто хочет сделать, тот делает, говоришь? Я очень хочу. Я двадцать лет об этом мечтал.

Таня бежит к мосту, Олег карабкается по мосту.

ТАНЯ. Олег, я прошу тебя, умоляю, пожалуйста!

ОЛЕГ. Ты думаешь, я тупой совсем? Тупой я, думаешь? Думаешь, я не думаю об этом постоянно? Ведь я мог его остановить. Чуть быстрее побежать надо было – вот и всего. А у меня ноги ватные стали.

ТАНЯ. Олег, слезай!

Олег на самом верху. Идет качаясь, держится за перила, подходит к проводу, перешагивает. Таня закрывает

лицо руками. Тишина. Таня открывает глаза, Олег спускается с другой стороны моста и подходит к ней.

ОЛЕГ. Пойдем, Танюха, там Маринка одна. Она очень боится одна в доме.

Уходят.

Фотография седьмая

Таня с Олегом открывают палатку. Оттуда выскакивает растрепанная Марина, за ней выходит Костя.

КОСТЯ (Тане). Я хотел прогуляться, а вижу, ты ключи оставила.

ТАНЯ. Подходи, ребенок, давно хотела тебя познакомиться с моими лучшими институтскими друзьями. Знакомься, Олег, это мой сын. С Мариной вы уже, я вижу, познакомились.

ОЛЕГ. Олег.

КОСТЯ. Костя. Константин.

МАРИНА. Сын? Ах, сын?.. А?..

ТАНЯ (смеется). Задумалась над отчеством? Маринка, в тебе умер следователь.

МАРИНА. Ну а че такого? Константин...

ТАНЯ. Сергеевич.

ОЛЕГ. Станиславский.

МАРИНА. Не верю! Ну и ладно. Не хотите, не говорите. Я вам тоже че-нибудь не скажу.

ОЛЕГ. А сколько лет Константину Эдуардовичу?

КОСТЯ. Двадцать два.

ТАНЯ. Будет в декабре. Не набавляй! (Смеется.) Новогодний подарочек мне Дед Мороз принес. Должен был в январе родиться, в Крещение.

Олег смотрит на Костю не отрываясь.

МАРИНА. Партизанка ты, Танька, столько лет такого парня красивого скрывала. Девушка-то есть, Кость?

КОСЯ. Нет.

МАРИНА. Надо с нашей Севильей их познакомить. Они почти ровесники.

ТАНЯ. Не надо. (Косте.) Пофотографировал?

КОСЯ. Ага. Тут такие деревья необычные: у них ветки только с одной стороны.

ТАНЯ. С южной?

КОСЯ. Да в том-то и дело, что нет. Просто стоит сосна, а у нее тупо нет веток, например, с востока. А на запад тянутся длинные-длинные.

ТАНЯ. Это тебе такая просто попалась. Сосна-западница.

КОСЯ. Да в том-то и дело, что у всех по-разному.

ОЛЕГ. Это площадка Гать, детка.

МАРИНА. Как водичка?

ТАНЯ. Водичка что надо. Освежает.

МАРИНА. Мне бы тоже надо освежиться. Понимаешь, я ведь его за другого приняла и чуть не убила. Я правда подумала, что он – это наш Кость.

ОЛЕГ. Я все. Спать.

МАРИНА. Давай, папа, я тебя уложу. (Уходят.)

Кость и Таня одни. Она обняла его, ерошит волосы.

КОСЯ. Mam.

ТАНЯ. M?

КОСЯ. Мы ведь сюда больше не приедем?

ТАНЯ. Нет.

КОСЯ. Надо мне тогда еще в одно место сгонять с утра.

ТАНЯ. Сгоняй.

КОСЯ. Устала?

ТАНЯ. Есть немного.

КОСЯ. Как ты, мам?

ТАНЯ. Как ни странно, в полном порядке. Я думала, расклеюсь, поплыву. Но нет.

КОСЯ (смеется). Второй раз в реку не пошла?

ТАНЯ (улыбается). Ты знаешь, я думала, увижу их и растеряюсь и ничего из того, о чем с ними про себя каждый день говорила, не скажу. Не смогу. А увидела и поняла, что и не надо ничего говорить.

КОСЯ. Подумала, что не поймут?

ТАНЯ. Я думала, они все забыли, а оказалось, им еще больше, чем мне.

КОСЯ. Олег – мой отец?

ТАНЯ. Да.

КОСЯ (смеется, напевает). Джими, Джими, Джими. Ача, Ача, Ача.

ТАНЯ (смеется). Ладно! Молод еще над матерью смеяться!

КОСЯ. Молод – не молод, а индийские сериалы знаю. Участвую. Практикую.

ТАНЯ. Это правда было бы похоже на сериал, если бы Коса так глупо не погиб.

КОСЯ. А какой он был, мам?

ТАНЯ. Какой?..

КОСЯ. Ну, если одним словом.

ТАНЯ. Если одним... Пожалуй... Пожалуй, легкий. Не замороженный, веселый, остроумный очень. Нам всем с ним было просто и легко. Он мне лучшей подружкой был. В тот день позвонил напомнить, чтоб я не забыла приехать в Гать. А я и так собиралась, с камерой уже договорилась, все. Но ночь накануне мы с Олегом погулевали немножко, и я поздно встала. Собственно, Коса меня и разбудил. Ну и я отвечаю со сна басом, а он сразу: «Ниче ты поспать!» Так у меня в ушах эта фраза и звучит

до сих пор. Я поначалу ее каждый день повторяла: боялась его голос забыть. А все равно забывается. Стирается, выцветает – как старая фотография.

КОСЯ. Мама, ты самая лучшая.

ТАНЯ. Все мамы самые лучшие, Кося.

КОСЯ. Нет, не все. Я хочу, чтоб ты знала: ты – самая лучшая. И я тебя люблю больше всех на свете.

ТАНЯ. Ты как будто прощаешься со мной. (Отдает ему ключи.)

КОСЯ. А я и прощаюсь. Пойду тоже, устал. Завтра пораньше хочу встать, поснимать рассвет.

Уходит. Таня некоторое время сидит одна. Возвращается Марина.

МАРИНА. Ты не ушла. Как хорошо. Я так боялась, что ты уйдешь и мы никогда больше не поговорим.

ТАНЯ. Да, я как раз собиралась.

МАРИНА (обнимает ее). Танька.

ТАНЯ. Который час?

МАРИНА. Двенадцатый. Примерно.

Смеются. Молчат.

ТАНЯ. Ты повеселела. Что-то случилось?

МАРИНА. Олег сказал, что продаст Гать.

ТАНЯ. Вот и правильно. Давно пора было. И ты поправишься сразу. И все будет хорошо.

МАРИНА. Тань, прости меня на всю оставшуюся жизнь.

ТАНЯ. Так Кося говорил, помнишь?

МАРИНА. Конечно.

ТАНЯ. Я давно простила, Маринка. Да и что прощать? Косю я очень жалела. Сына вон в честь него назвала. Родителей его навещала полгода, а потом поняла, что

чокнусь, если не уеду. А вас я вычеркнула и десять лет не вспоминала. Ни разу. А сегодня увидела – и отлегло. Вы любите друг друга. Ты это запомни. И вы абсолютная пара. Это так хорошо. Хорошо, что смерть родила жизнь. Он бы погиб, если б не ты.

МАРИНА. Вот я и боюсь: как он будет, когда я уйду? Может, ты посмотришь за ним?

ТАНЯ. Нет, милая, ты займешься своим здоровьем и проживешь с ним до самой старости. Будете ко мне ездить на пенсии с внуками... У тебя и имя, как мы выяснили, специальное. Как же хорошо отсюда просматривается мост... Так... А кто это там?

На мост поднимаются двое. Один коренастый, в красной бейсболке, второй совсем молодой, худой, сутулый. В руках у него фотоаппарат.

МАРИНА. В бейсболке вроде Саша, этот идиотик. А кто с ним, я не понимаю. Ой. Да ладно... (Трет глаза.)

ТАНЯ. Вот-вот.

МАРИНА. Ты тоже его видишь?

Таня кивает. Да, это Костя и Саша. Саша держит банку с краской, Костя жирными мазками закрашивает надпись «Костя». Вспышка.

Конец